

Право на уважение частной и семейной жизни в контексте захоронения родственников в практике Европейского Суда по правам человека

Максим Тимофеев*

Автор статьи рассматривает такой сравнительно новый аспект правоприменительной практики Европейского Суда по статье 8 Конвенции, как право на уважение личной и семейной жизни в связи с погребением родственников. В статье даётся критический анализ подхода Европейского Суда к определению интереса, затрагиваемого в делах такого рода, и рассматривается практика Суда по отдельным категориям дел. Автор приходит к выводу о том, что в таких делах Европейский Суд в целом следует общим принципам оценки обстоятельств конкретных дел на предмет их соответствия требованиям статьи 8 Конвенции, однако при этом Суд рассматривает смерть и похороны как специфическую сферу личной и семейной жизни, которая требует особого внимания со стороны властей при принятии решений, затрагивающих столь важный и чувствительный для заявителей интерес.

→ *Европейский Суд по правам человека, Конвенция по защите прав человека и основных свобод, право на уважение личной и семейной жизни, похороны*

Статья 8 является, пожалуй, наиболее широко толкуемым положением Конвенции по защите прав человека и основных свобод (*далее* — Конвенция). Данная статья возлагает на государства-участники обязанность уважать интересы, относящиеся к частной и семейной жизни человека¹. Европейский Суд по правам человека (*далее* — Европейский Суд; Суд) в своей правоприменительной практике весьма гибко подходит к интерпре-

тации содержания четырёх перечисленных в статье 8 интересов — личной жизни, семейной жизни, жилища и корреспонденции, — и в результате предмет защиты права постоянно расширяется². Под положения статьи подпадают такие вопросы, как права родителей и детей, права в области репродуктивной медицины, права заключённых, вопросы личной идентичности и помощи при самоубийстве, вопросы обысков, изъятия имущества и

* *Тимофеев Максим Тимофеевич* — кандидат юридических наук, докторант факультета правовых исследований Центрально-Европейского университета (Будапешт, Венгрия). Автор выражает искреннюю признательность профессору Анатолию Ивановичу Ковлеру за полезные комментарии к проекту статьи. Взгляды, изложенные в данной статье, тем не менее, отражают исключительно позицию и мнение автора.

¹ Положения статьи 8 Конвенции гласят следующее:

«1. Каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство со стороны публичных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья или нравственности или защиты прав и свобод других лиц».

² См., в частности: Стандарты Европейского Суда по правам человека и российская правоприменительная практика: Сборник аналитических статей / Под ред. М. Р. Воскобитовой. М.: Издательство «Анахарсис», 2005. С. 248.

тайной слежки, вопросы права на здоровую окружающую среду и т. д.³

Как было отмечено выше, практика применения Европейским Судом положений статьи 8 Конвенции не стоит на месте, и не все новеллы удастаиваются должного внимания учёных-правоведов. Одним из таких несвещённых вопросов является подход Суда к разрешению жалоб о предполагаемых нарушениях права на уважение личной и семейной жизни в контексте дел, касающихся погребения родственников. Вопросы смерти, уважения к умершим и особой связи живущих с усопшими являются одними из центральных для большинства культур, и нам представляется интересным взглянуть на эту проблему с позиций европейского права прав человека. В данной статье, впрочем, не затрагиваются философские аспекты отношений между живыми и мёртвыми, равно как и соответствующие культурные сходства и различия между различными обществами. Внимание уделяется конкретным проявлениям в практике Европейского Суда принципа, который судья Антонио А. Кансадо Триндаде сформулировал как «уважение к усопшим в лице живущих»⁴.

Несмотря на то, что рассматриваемые в статье дела, безусловно, являются далеко не самыми распространёнными в правоприменительной практике Европейского Суда, на основании имеющихся решений можно делать определённые выводы. Статья начинается с критического анализа подхода Европейского Суда к определению интереса, затрагиваемого в делах такого рода; затем рассматриваются отдельные категории дел и анализируются подходы Суда к их разрешению.

Погребение родственников и размытые контуры права на личную и семейную жизнь

В правоприменительной практике Европейского Суда сложился подход, согласно которому понятие частной и семейной жизни распространяется на случаи после смерти⁵. В постановлении по делу «*Паннулло и Фортэ против Франции*» Суд квалифицировал задержку в возвращении французскими властями тела усопшей дочери заявителей после вскрытия как вмешательство в их право на уважение частной и семейной жизни⁶. В постановлении по делу «*Элли Полухас Дёдсбо против Швеции*» Европейский Суд решил, что жалоба заявительницы в связи с запретом на перенесение урны с прахом её супруга на фамильный погребальный участок на кладбище в Стокгольме подлежит рассмотрению на основании статьи 8 Конвенции⁷. А в деле «*Адри — Вионе против Швейцарии*» Суд постановил, что вопрос о том, обладала ли заявительница правом посетить похороны её мёртворождённого ребёнка, подпадает под положения, закрепляющие право на уважение частной и семейной жизни⁸.

Европейский Суд, впрочем, однозначно не определил, подпадают ли случаи применения статьи 8 Конвенции к обстоятельствам после смерти под понятие частной или же семейной жизни. Так, в деле *Элли Полухас Дёдсбо* он указал, что не считает необходимым определять, затрагивает ли оспариваемый отказ «семейную жизнь» или «частную жизнь», и презюмировал, что имело место вмешательство в интересы, защищаемые пунктом 1 статьи 8 Конвенции⁹. Аналогичную

³ См.: *Harris D., O'Boyle M., Warbrick C.* Law of the European Convention on Human Rights. 2nd edition. Oxford University Press, 2009. P. 361. Такое расширение стало возможным по ряду причин, к которым, прежде всего, следует отнести толкование понятий, содержащихся в пункте 1 статьи 8 Конвенции, как автономных, и ограниченный набор возможностей, которые Конвенция предоставляет для оспаривания предположительно неправовых действий национальных властей. Исследование этих причин не входит в задачи данной статьи. По вопросу об автономных понятиях более подробно см.: *Letsas G.* A Theory of Interpretation of the European Convention on Human Rights. Oxford University Press, 2009. P. 37–57; *Letsas G.* The Truth in Autonomous Concepts: How to Interpret the ECHR // *European Journal of International Law*. 2004. Vol. 15. № 2. P. 279–305.

⁴ См. особое мнение бывшего судьи Межамериканского Суда по правам человека и действующего судьи Международного Суда ООН Антонио А. Кансадо Триндаде по делу «*Бамака-Веласкес против Гватемалы*», касавшемуся насильственного исчезновения. *Inter-American Court of Human Rights, Bámaca-Velásquez v. Guatemala*. Judgment of 25 November 2000. Ser. C. No. 70 (Merits). Separate opinion of Judge A. A. Cançado Trindade. § 6.

⁵ Так в решении по делу «*Виктор Джонс против Соединённого Королевства*» Суд, пусть и со свойственной ему в делах такого рода осторожностью, указал, что «не исключается, что [понятие] уважения к частной и семейной жизни распространяется на определённые случаи после смерти». *European Court of Human Rights (далее — ECtHR). Victor Jones v. the United Kingdom*. Application No. 42639/04. Judgment of 13 September 2005.

⁶ ECtHR. *Pannullo and Forte v. France*. Application No. 37794/97. Judgment of 30 October 2001. § 36.

⁷ ECtHR. *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. Application No. 61564/00. Judgment of 17 January 2006. § 24.

⁸ Cour européenne des Droits de l'Homme (далее — CEDH). *Hadri-Vionnet c. Suisse*. Requête No. 55525/00. Arrêt du 14 février 2008. § 52.

⁹ *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. § 24.

позицию Суд занял и в делах «*Адри – Вионе против Швейцарии*»¹⁰ и «*Жирар против Франции*»¹¹.

Такой подход Европейского Суда представляется несколько странным. Безусловно, оба понятия — «личная жизнь» и «семейная жизнь» — «не поддаются исчерпывающему толкованию»¹², и их объём не остаётся неизменным, поскольку Суд интерпретирует содержание этих понятий от случая к случаю, исходя из обстоятельств конкретного дела. При решении вопроса о том, идёт ли речь о *семейной жизни*, Европейский Суд решает, имеют ли место семейные отношения, связи между людьми. При этом подход Суда предполагает определённую иерархию: от отношений внутри традиционного гетеросексуального брачного союза, включающих отношения между родителями и детьми, к семейным отношениям, предполагающим менее тесную — но, тем не менее, семейную по своей сути — связь¹³. Таким образом, под понятие семейной жизни попадают отношения между супругами¹⁴ или партнёрами вне брака¹⁵, родителями и детьми¹⁶, братьями и сёстрами и т. д.¹⁷ Уважение *личной жизни* человека предполагает уважение к психической и физической неприкосновенности личности, самоидентификации, персональных данных, сексуальной ориентации и личного пространства¹⁸. При этом право устанавливать и развивать отношения с другими людьми является лишь одним из многих элементов личной жизни¹⁹

(причём, не самым разработанным в правоприменительной практике Суда).

В этой связи в контексте дел, касающихся погребения родственников, использование Судом обоих понятий без проведения различий между ними представляется недостаточно обоснованным. Трудно найти логическое объяснение такой позиции Суда, поскольку последний не прояснил, какие именно аспекты рассмотренных дел он не включает в категорию отношений, охватываемых понятием семейной жизни.

Одной из возможных причин такого положения дел мог бы быть упомянутый выше «иерархический» подход Европейского Суда к семейным отношениям, заслуживающим защиты в качестве таковых. Так, например, Суд не посчитал возможным рассмотреть обстоятельства дела «*Знаменская против России*»²⁰, в котором заявительница жаловалась на то, что российские суды не рассмотрели её жалобу на установление происхождения её мёртворождённого ребёнка от её умершего партнёра и изменения в этой связи имени ребёнка, на предмет соответствия праву заявительницы на уважение именно семейной жизни. Суд сперва повторил общую позицию, согласно которой наличие «семейной жизни» для целей статьи 8 Конвенции является вопросом факта, который зависит от существования в действительности тесных связей между людьми (которые, с точки зрения Суда, не могли возникнуть между заяви-

¹⁰ *Hadri-Vionnet c. Suisse*. § 52.

¹¹ CEDH. *Girard c. France*. Arrêt du 30 juin 2011 // Requête No. 22590/04. § 107. Аналогичная ситуация сложилась и в отношении дел, где заявителями выступали лица, которым во время их содержания под стражей было запрещено посетить похороны родственников (см. анализ этих дел ниже).

См.: *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. § 23.

¹³ *Jacobs F., White R., Ovey C.* The European Convention on Human Rights. 4th edition. Oxford University Press, 2006. P.249.

¹⁴ См., например: ECtHR. *Liu v. Russia*. Application No. 42086/05. Judgment of 6 December 2007.

¹⁵ ECtHR [GC]. *Van der Heijden v. the Netherlands*. Application No. 42857/05. Judgment of 3 April 2012.

¹⁶ См., например: ECtHR. *Ismailova v. Russia*. Application No. 37614/02. Judgment of 29 November 2007 (родные дети); ECtHR. *Ageyev v. Russia*. Application No. 7075/10. Judgment of 18 April 2013 (приёмные дети).

¹⁷ См.: ECtHR. *Moustaquim v. Belgium*. Application No. 12313/86. Judgment of 18 February 1991. См. также: ECtHR. *Boyle v. the United Kingdom*. Application No. 16580/90. Judgment of 28 February 1994 (отношения между дядей и племянником).

В целом Европейский Суд презюмирует существование семейной жизни в случае биологической связи, однако и из этого правила есть исключения. В любом случае необходимо продемонстрировать существование серьёзных отношений между заявителем и лицом, на семейную связь с которым он/она указывают. Более подробно см.: *Liddy J.* The concept of family life under the ECHR // *European Human Rights Law Review*. 1998. Vol. 1. P. 15 § 25; *Harris D., O'Boyle M., Warbrick C.* Law of the European Convention on Human Rights. 2nd edition. Oxford University Press, 2009. P.373–375.

¹⁸ *Jacobs F., White R., Ovey C.* Op. cit. P.246.

¹⁹ ECtHR. *Niemietz v. Germany*. Application No. 13710/88. Judgment of 16 December 1992. § 29.

²⁰ ECtHR. *Znamenskaya v. Russia*. Application No. 77785/01. Judgment of 2 June 2005. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что факты дела указывали на интерес заявительницы в отношении размещения конкретного имени мёртворождённого ребёнка на надгробном камне, *дело Знаменской* не поднимало вопрос о праве похоронить родственника. Суд прямо указал, что суть этого дела состояла в том, что заявительница не могла добиться установлении отцовства и, соответственно, изменения отчества и фамилии её мёртворождённого ребёнка (§ 25).

тельницей и мёртворождённым ребёнком). Однако Европейский Суд также указал, что тесные, близкие отношения, не отвечающие критериям «семейной жизни», могут подпадать под понятие «личная жизнь», и такие отношения между заявительницей и её мёртворождённым ребёнком, которого она носила практически полный срок и которому хотела дать имя и похоронить, существовали²¹. Безусловно, такой подход можно было бы считать оправданным в контексте, например, *дела Адри – Вионе*, в котором речь шла о похоронах мёртворождённого ребёнка, но не в иных делах, где характер связи между заявителем и умершим родственником явно подпадал под понятие семейных связей (супруг, ребёнок). Кроме того, даже *дело Адри-Вионе* Суд рассмотрел с точки зрения права на уважение как личной, так и семейной жизни.

Также можно было бы предположить, что Европейский Суд испытывает сложности с квалификацией отношений из-за того, что речь идёт об умерших родственниках. Если последние не считаются субъектами, с которыми возможно иметь отношения по определению, указанные случаи не могут подпадать под понятие семейной жизни. Следовательно, все аналогичные дела должны рассматриваться Судом, как подпадающие под категорию личной жизни. Однако практика Европейского Суда об этом не свидетельствует: Суд не испытывает больших затруднений, связанных с характером субъекта (мёртвый человек), и не существует видимых объективных критериев отнесения данных дел к одному или иному интересу, защищаемому статьёй 8 Конвенции.

Представляется, что возможно дать историческое объяснение такому недостаточно последовательному подходу Европейского Суда. В 1981 году Европейская Комиссия по правам человека (далее – Европейская Комиссия, Комиссия) вынесла решение по делу «*X. против Федеративной республики Германия*»²², в котором заявитель жаловался, что национальные власти, отказав ему в возможности развеять его прах в принадле-

жащем ему саду после его смерти, нарушили требования статей 8 и 9 Конвенции. Комиссия согласилась с тем, что оспариваемый заявителем запрет был тесным образом связан с личной жизнью заявителя и, соответственно, мог быть рассмотрен на предмет соответствия требованиям статьи 8 Конвенции. Комиссия отметила, что, несмотря на сомнения относительно того, охватывало ли право на уважение личной жизни право лица избрать место и форму захоронения, люди могли испытывать необходимость выражать их индивидуальность посредством организации своих похорон²³. Поскольку данное дело было первым, в котором перед страсбургскими органами был поднят вопрос о распространении требований статьи 8 Конвенции на ситуации, связанные с погребением, Суд использовал позицию Комиссии в более поздних делах, от которых дело «*X. против Федеративной республики Германия*», тем не менее, отличалось тем, что заявитель жаловался на нарушение права, которое не было связано с обстоятельствами, затрагивающими его умерших родственников.

Категории дел и подходы Европейского Суда к их разрешению

Дела, поднимающие вопросы соблюдения требований статьи 8 Конвенции в связи с погребением, можно подразделить на несколько категорий. К первой категории относятся дела, в которых заявители оспаривали решения властей, касающиеся способов и условий захоронения. Помимо упомянутого дела «*X. против Федеративной республики Германия*», к этой категории относятся дела «*Виктор Джонс против Соединённого Королевства*», касавшееся жалобы заявителя в связи с запретом на установление мемориальной плиты с фотографией на могиле его дочери, и «*Элли Полухас Дёдсбо против Швеции*», в котором заявительница жаловалась на отказ властей выдать ей разрешение на перенос урны с прахом её супруга с первоначального места захоронения на кладбище в Стокгольме.

²¹ ECtHR. *Znamenskaya v. Russia*. Application No. 77785/01. Judgment of 2 June 2005. § 27.

²² European Commission on Human Rights (далее – ECHR). *X. v. Federal Republic of Germany*. Application No. 8741/79. Decision of 10 March 1981.

²³ Ibid. § 2.

В этих делах, по сути, речь шла о том, насколько обоснованными были вынесенные не в пользу заявителей решения, основанные на законе и принятые в рамках дискреционных полномочий национальных властей.

В деле «*X. против Федеративной республики Германия*» Европейская Комиссия пришла к выводу, что требования немецкого законодательства, на основании которых власти Гамбурга приняли оспариваемое решение, не составляли вмешательство в осуществление прав заявителя. С точки зрения Комиссии, пункт 1 статьи 8 Конвенции не мог быть истолкован в том смысле, что захоронение тел или праха является исключительно делом отдельных людей, которых это затрагивает. Комиссия положила в основу своего вывода три фактора: (1) предоставленную индивиду нормативными актами, пусть и ограниченную, но свободу выбора способов захоронения; (2) существование публичных интересов, на охрану которых направленно действие законодательства о местах захоронения, — «обеспечение уважения к местам захоронения человеческих останков, надлежащего обращения с телами и прахом умерших, защита общественного здоровья и порядка, а также городское и дорожное проектирование и строительство»; а также (3) отсутствие в законодательстве европейских стран, урегулировавших вопросы похорон, возможности человека решать по своему усмотрению, где и каким образом он должен быть похоронен²⁴.

В деле *Виктора Джонса* Европейский Суд повторил, что как такое право на определённый вид похорон или определённые сопутствующие похоронам характеристики отсутствует²⁵. Суд отметил, что соответствующие правила требовали предварительного разрешения в отношении размещения надгробных плит и памятников. Тот факт, что на иных кладбищах разрешались надгробия с фотографиями, Суд не счёл относящимся к делу, и решил, что оспариваемое решение не оказало настолько серьёзного влияния на сферу личных или семейных отношений заявителя, чтобы составить вмешательство в его право, предусмотренное статьёй 8 Конвенции.

Иначе Европейский Суд подошёл к рассмотрению дела «*Элли Полухас Дёдсбо против Швеции*», в котором заявительница²⁶ жаловалась на отказ властей выдать ей разрешение на перенос урны с прахом её супруга на кладбище в Стокгольме. Заявительница мотивировала необходимость переноса тем, что после смерти мужа в 1963 году, она и её дети переехали в другие города, и могила супруга находится далеко (180 км от Стокгольма). Она также утверждала, что дети не возражают против переноса, а на соответствующем семейном участке захоронены её родители и будет похоронена она сама. Власти отказали ей, сославшись на то, что перенос останков является исключением из правил, установленных Актом о погребении, и что базовый принцип соблюдения неприкосновенности могил, вытекающий из уважения к усопшим, требует, чтобы «прах покоился с миром»²⁷. Европейский Суд согласился с доводами властей Швеции, отметив, что последние действовали в рамках широкой свободы усмотрения, которой они располагают в таких вопросах, приняли во внимание все относящиеся к делу обстоятельства и установили справедливое соотношение между ними²⁸. Суд постановил четырьмя голосами против трёх, что нарушение не имело места. Тем не менее, судьи, оставшиеся в меньшинстве, высказали сомнения относительно того, преследовал ли запрет законную цель. Они также однозначно высказались против того, чтобы считать ограничение права заявительницы «необходимым в демократическом обществе», поскольку, на их взгляд, интересы заявительницы перевешивали публичный интерес, в защиту которого выступали власти Швеции. Судьи Тюрмен, Угрехелидзе и Муларони обратили внимание на то, что перенос праха не был сложен с практической точки зрения, не вызывал проблем, затрагивающих общественное здоровье, и подчеркнули, что заявительница и её дети более не были связаны с городом, где покоится прах их мужа и отца. Кроме того, контракт на участок на кладбище в Стокгольме принадлежал семье заявительницы бессрочно, в то время как

²⁴ ECHR. *X. v. Federal Republic of Germany*. Application No. 8741/79. Decision of 10 March 1981. § 2.

²⁵ *Victor Jones v. the United Kingdom*. § 2.

²⁶ Заявительница скончалась после подачи жалобы в Суд. Её жалоба была поддержана пятью её детьми.

²⁷ *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. § 20.

²⁸ *Ibid.* § 26–28.

участок захоронения праха её покойного мужа был во временном пользовании²⁹.

Все три рассмотренных дела показывают, что Европейский Суд предоставляет национальным властям весьма широкую свободу усмотрения при регулировании вопросов захоронения и принятия на основании последних решений, носящих дискреционный характер. При этом если в первых двух делах страсбургские органы не усмотрели вмешательства в права заявителей, в последнем деле Европейский Суд рассмотрел дело по существу³⁰. И, хотя аргументация большинства Палаты была выстроена согласно контурам, обозначенным в более ранних делах, перевес большинства над меньшинством составил всего один голос. Более того, баланс между интересами заявителя и публичными интересами, установленный большинством судей, не выглядит более убедительным, нежели тот, на котором настаивали три судьи, оставшиеся в меньшинстве. Большинство судей, поддержав решение национальных властей, придали особое значение принципу соблюдения неприкосновенности могил, вытекающему из уважения к усопшим. Представляется, впрочем, что особое мнение продемонстрировало, что этот базовый принцип был властями Швеции, скорее, нарушен, нежели соблюден. Согласившись с тем, что перенос останков или праха должен строго регулироваться для того, чтобы гарантировать уважение к ним, судьи Тюрмен, Угрехелидзе и Муларони, однако, подчеркнули, что «ничто в обстоятельствах дела не могло убедить нас в том, что заявительница и её дети считали кладбище и места захоронения временными хранилищами праха усопших. Заботу о неприкосновенности могил и уважение к усопшим можно демонстрировать по-разному, включая посещение мест захоронения или возложение на них цветов»³¹.

Указанные три дела не поднимали непосредственно вопрос об участии заявителей в похоронах родственников. Однако такой вопрос был поставлен в деле «*Адри-Вионе*

против Швейцарии», которое пока стоит особняком в практике Суда. Заявительница по делу, в момент рассматриваемых событий искавшая политического убежища в Швейцарии, родила мёртвого ребёнка. Она и отец ребёнка отказались от возможности увидеть тело ребёнка. В результате муниципальные власти сочли, что заявительница не заинтересована в похоронах. Труп был доставлен на кладбище в простом фургоне для доставки товаров, и похороны в общей могиле для мёртворождённых прошли без участия родителей и без какой бы то ни было церемонии. Заявительница инициировала уголовное преследование муниципальных должностных лиц, принявших соответствующие решения, однако уголовное дело было прекращено. Национальные суды, однако, усмотрели нарушение в факте транспортировки тела в простом фургоне. В результате тело было эксгумировано и вновь похоронено с участием матери согласно католической церемонии.

Европейский Суд в первую очередь отклонил доводы государства-ответчика, утверждавшего, что вмешательство в осуществление прав заявительницы не имело места, поскольку соответствующие должностные лица действовали незлонамеренно. Суд указал, что на государстве лежит обязанность организовать публичные услуги и подготовить персонал таким образом, чтобы система в целом отвечала требованиям Конвенции. Суд особо отметил, что в такой чувствительной и интимной сфере как смерть и похороны близких представители властей должны проявлять особую заботу и осторожность³².

Европейский Суд установил нарушение требований статьи 8 Конвенции, признав, что вмешательство в осуществление права на уважение частной и семейной жизни не было предусмотрено законом, поскольку соответствующие муниципальные акты, регулирующие вопросы погребения, однозначно устанавливали, что похороны по общему правилу организуются родственниками усопших, а также с родственниками следует проконсультироваться по поводу похорон³³.

²⁹ *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. Joint Dissenting Opinion of Judges Törmen, Ugrekheilidze and Mularoni.

³⁰ Справедливости ради следует отметить, что шведские власти признали запрет на перенос урны с прахом вмешательством в права заявителя.

³¹ *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. Joint Dissenting Opinion of Judges Törmen, Ugrekheilidze and Mularoni.

³² *Hadri-Vionnet c. Suisse*. § 50.

³³ *Ibid.* § 58–59.

Данное дело является важным по ряду причин. Во-первых, Европейский Суд прямо указал, что принципиальный вопрос жалобы состоял в том, имела ли заявительница право посетить похороны своего мёртворождённого ребёнка, «сопровожаемые возможной церемонией»³⁴, и дал положительный ответ на этот вопрос. Во-вторых, Суд особо отметил, что глубоко интимный и чувствительный характер смерти и похорон требует от представителей государства проявления особой заботы и осторожности. Мы можем видеть подтверждение и развитие этих позиций Европейского Суда в делах, рассматриваемых ниже.

Следующую группу дел составляют жалобы, в которых речь шла о задержках в передаче тел родственников заявителей для захоронения, вызванных, по утверждению властей, потребностями проведения уголовных расследований. В деле «*Паннулло и Фортэ против Франции*» заявителю пришлось более семи месяцев ждать передачи им для погребения тела дочери, умершей в больнице. В деле «*Жирар против Франции*» тело дочери заявителей, умершей насильственной смертью, было эксгумировано, были изъяты образцы для проведения анализа ДНК³⁵, и тело было перезахоронено. Однако родители изъявили желание, чтобы изъятые части тела были захоронены вместе с телом дочери. Прошло более пяти лет, прежде чем национальный суд обязал власти передать заявителям изъятые образцы³⁶. Помимо этого, последние были фактически переданы только четыре месяца спустя. В обоих делах Европейский Суд усмотрел в задержках (более семи месяцев и четыре месяца, соответственно) нарушения требований пункта 2 статьи 8 Конвенции.

В деле *Паннулло и Фортэ* французские власти не оспаривали наличия вмешательства в права заявителей³⁷, однако в деле *Жирар* они утверждали, что понятие частной и семейной жизни охватывает право похоронить

родственника и принять участие в соответствующей церемонии, но изъятие образцов тканей для целей уголовного расследования не подпадает под положения статьи 8 Конвенции, так как их отсутствие не наносит никакого ущерба церемонии похорон как таковой³⁸. Следовательно, вмешательство в осуществление прав заявителей отсутствовало. Европейский Суд не согласился с доводами государства-ответчика, посчитав, что желание заявителей провести окончательные и достойные похороны их дочери было обоснованным, а государство вмешалось в реализацию этого права, задержав передачу заявителям образцов мышечной и костной тканей, отобранных после эксгумации тела их дочери³⁹.

В обоих делах Европейский Суд признал, что вмешательство в реализацию прав заявителей было предусмотрено законом и осуществлялось для достижения законной цели, а именно, предотвращения преступлений, поскольку указанные действия властей были связаны с уголовными расследованиями⁴⁰. Однако Европейский Суд не признал данные задержки необходимыми в демократическом обществе.

В деле *Паннулло и Фортэ* Европейский Суд особо отметил, что национальным судом было установлено, что после проведения вскрытия, хранение тела дочери заявителей для целей расследования не было необходимым, и его передача родителям для захоронения была возможна. Суд, приняв во внимание обстоятельства дела и «трагедию родителей, связанную с потерей ребёнка», признал государство-ответчика ответственным за нарушение требований статьи 8 Конвенции в связи с тем, что французские власти «не смогли установить справедливый баланс между правом заявителей на уважение частной и семейной жизни и преследуемой законной целью»⁴¹.

Аналогичную позицию Европейский Суд занял и в деле *Жирар*, отклонив аргумент

³⁴ *Hadri-Vionnet c. Suisse*. § 52.

³⁵ Были изъятые мышечные ткани, кости и зубы.

³⁶ В этой части Европейский Суд не усмотрел вмешательства в личную и семейную жизнь заявителей. См.: *Girard c. France*. § 107.

³⁷ *Pannullo and Forte v. France*. § 34.

³⁸ *Girard c. France*. § 97.

³⁹ *Ibid.* § 101. Европейский Суд, отказавшись проводить предложенное государством-ответчиком различие между телом и отдельными его частями, сослался, в частности, на положения статьи 1 Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 4 апреля 1997 года), которая обязывает государства-участников защищать достоинство и индивидуальную целостность человека.

⁴⁰ *Pannullo and Forte v. France*. § 36; *Girard c. France*. § 108.

⁴¹ *Pannullo and Forte v. France*. § 39.

французских властей о том, что задержки были вызваны необходимостью ожидания завершения уголовного процесса над предполагаемым убийцей их дочери⁴². Суд постановил, что и в этом деле национальные власти не смогли установить справедливый баланс, хотя срок задержки был меньше, чем в деле *Паннулло и Фортэ*. Суд особо указал на драматические обстоятельства указанного дела и обоснованность желаний заявителей, переживших продолжительные и болезненные ожидания, предоставить телу их дочери окончательный покой⁴³.

Несмотря на то, что обстоятельства дела *Паннулло и Фортэ* и дела *Жирар* отличаются от фактов дела *Адри-Вионе*, представляется, что Европейский Суд при их разрешении исходил из сформулированного им ранее правила о проявлении особого внимания к делам, связанным со смертью и похоронами близких, которое возлагает на государство, в частности, обязанность действовать с уважением к трагедии заявителей и без неоправданных проволочек.

Наконец, последнюю категорию дел, касающихся права на участие в похоронах родственников, которая рассматривается в данной статье, составляют дела о получении лицами, находящимися под стражей, разрешения на посещение похорон их близких⁴⁴. Первые решения Европейского Суда по таким делам не были положительными⁴⁵. Так, в решении по делу «*Маринкола и Сесито против Италии*», в котором заявитель жаловался, в частности, на то, что ему было отказано в возможности временного освобождения из-под стражи с целью посещения похорон его брата, Европейский Суд указал,

что как таковое данное право Конвенцией не предусмотрено, и предпочёл не производить дальнейший анализ обстоятельств дела. Однако всего через несколько лет при рассмотрении аналогичного дела Суд изменил свой подход к разрешению таких дел.

Приступая к анализу обстоятельств дела «*Плоски против Польши*»⁴⁶, Европейский Суд отметил, что вопрос, поднятый в жалобе, не является для него новым, но указал, что при толковании Конвенции ему не всегда следует придерживаться ранее высказанных позиций, а необходимо принимать во внимание изменения, происходящие в государствах-участниках, в частности, возникающий консенсус относительно стандартов защиты прав⁴⁷. Далее Суд не согласился с доводами государства-ответчика, которое утверждало, что вмешательство в частную и семейную жизнь заявителя было обоснованным, поскольку запрет представлял собой «неотъемлемое и неизбежное последствие... предотвратительного содержания под стражей»⁴⁸. Суд подчеркнул, что Конвенция не гарантирует безусловного права на временное освобождение из-под стражи в целях посещения похорон родственника, и власти государства-ответчика обладают широкой свободой усмотрения при решении вопроса о том, следует ли конкретному лицу предоставить такое освобождение⁴⁹. Тем не менее, за Судом остаётся право оценить, насколько такое решение национальных властей обосновано. Несмотря на то, что характер положения лица, находящегося под стражей, и предполагает различные ограничения прав, последние должны быть оправданы в демократическом обществе⁵⁰. Таким образом, на государстве лежит обя-

⁴² *Girard c. France*. § 109.

⁴³ *Ibid.* § 110.

⁴⁴ Данные жалобы Европейский Суд, так же как и дела, указанные выше, рассматривал на основании как права на уважение личной и семейной жизни, так и права на уважение только семейной жизни.

⁴⁵ См.: CEDH. *Marincola et Sestito c. l'Italie*. Décision du 25 novembre 1999 // Requête No. 42662/98; ECtHR. *Marios Georgiou v. Greece*. Application No. 45138/98. Decision of 13 January 2000. Отметим также жалобу по делу «*Киштоф Дрозд против Польши*», в которой заявитель утверждал, что национальные власти нарушили его право на личную и семейную жизнь, не отпустив его из тюрьмы на похороны матери, и которая была признана неприемлемой, поскольку заявитель обнаружил конфиденциальную информацию, касающуюся процедуры в Комиссии по правам человека. См.: ECHR. *Krzysztof Drozd v. Poland*. Application No. 25403/94. Decision of 5 March 1996.

⁴⁶ ECtHR. *Ploski v. Poland*. 5. Application No. 26761/9. Judgment of 12 November 2002. § 27.

⁴⁷ Европейский Суд не указал, однако, о стандартах защиты каких именно прав шла речь. Представляется, что в данном контексте, Суд, скорее, имел в виду эволюцию понимания специфики и объёма прав заключённых, нежели эволюцию понимания права на уважение частной и семейной жизни как такового.

⁴⁸ *Ploski v. Poland*. § 29.

⁴⁹ *Ibid.* § 38.

⁵⁰ *Ibid.* § 35.

занность доказать, что существовала «настоятельная общественная потребность» в ограничении. В обстоятельствах данного дела Европейский Суд счёл, что отказы властей временно освободить Вацлава Пlosки из-под стражи для посещения похорон матери и отца, не были «необходимы в демократическом обществе».

Европейский Суд, с одной стороны, отметил, что заявитель потерял обоих родителей, которые умерли один за другим в течение одного месяца; что администрация пенитенциарного учреждения поддержала оба ходатайства заявителя о временном освобождении; а также что заявитель обвинялся в совершении ненасиленного преступления и был освобождён из-под стражи менее чем через два года после указанных событий⁵¹. С другой стороны, Суд указал на то, что польские суды, отказав заявителю, не стали даже рассматривать возможность его конвоирования на похороны, которая была предусмотрена законом. Европейский Суд обратил особое внимание на то, что решение по второму ходатайству национальный суд вынес только на следующий день после похорон отца заявителя, а также указал на необоснованность мнения национального суда о том, что ходатай-

ство заявителя не демонстрировало наличия обстоятельств, требующих проявления сочувствия⁵². Суд заключил: «принимая во внимание серьёзность предмета жалобы, а именно отказ индивиду в праве посетить похороны его родителей, Суд считает, что государство-ответчик могло отказать заявителю только, если для этого были существенные основания и отсутствовала возможность найти альтернативное решение, такое как освобождение под конвоем»⁵³.

В постановлении по *делу Пlosки* Европейский Суд установил стандарт анализа, применимый в делах такого рода: фактические обстоятельства следует оценивать не изолированно друг от друга, а рассматривать их в целом⁵⁴. Анализ аргументации Суда в аналогичных делах⁵⁵, рассмотренных после *дела Пlosки*, — «*Линд против России*»⁵⁶, «*Гишчак против Польши*»⁵⁷ и «*Фельдман против Украины*»⁵⁸ — позволяет сделать вывод о том, что Суд, безусловно, следует этому стандарту, и факты, которые он принимает во внимание, можно подразделить на несколько групп.

К первой группе относятся факторы, характеризующие *важность интереса заявителя* в присутствии на похоронах, и к таким

⁵¹ *Ploski v. Poland*. § 35, 37.

⁵² *Ibid.* § 36.

⁵³ *Ibid.* § 37.

⁵⁴ *Ibid.* § 35.

⁵⁵ Помимо перечисленных дел, укажем также на дело «*Инэа против Италии*». В этом деле Суд счёл, что жалоба заявителя была явно необоснованной, поскольку последний не предоставил Суду доказательства того, что он подавал ходатайства в связи с желанием посетить похороны его партнёра. См.: ECtHR[GC]. *Enea v. Italy*. Application No. 74912/01. Judgment of 17 September 2009. § 130.

Необходимо также отметить, что немало аналогичных жалоб по тем или иным причинам не были разрешены посредством постановлений. Производство по многим жалобам было прекращено в связи с тем, что заявители, которым в период предварительного содержания под стражей или в течение отбывания наказания было отказано в разрешении на посещение похорон их родственников, заключили мировое соглашение с государством-ответчиком (*Wieslaw Gil v. Poland*. Application No. 10251/03. Decision of 13 January 2009, *Dariusz Zakrzewski v. Poland*. Application No. 6881/03. Decision of 17 March 2009 и *Ernest Wenerski v. Poland*. Application No. 56871/09. Decision of 6 September 2011), либо в связи с односторонней декларацией государства-ответчика, признавшей нарушение (ECtHR. *Sebastian Gustaw v. Poland*. Application No. 39507/04. Decision of 13 November 2008), либо в связи со смертью заявителя, отсутствием заинтересованности в исходе дела или несоблюдением срока подачи жалобы (ECtHR. *Zbigniew Brejnak v. Poland*. Application No. 34831/03. Decision of 30 September 2008, ECtHR. *Roman Copil v. Romania*. Application No. 27194/03. Decision of 13 March 2012 и ECtHR. *Krzysztof Jękot v. Poland*. Application No. 5904/06. Decision of 12 April 2011).

⁵⁶ ECtHR. *Lind v. Russia*. Application No. 25664/05. Judgment of 6 December 2007. Европейский Суд не усмотрел нарушения исключительно в отказе российских властей временно освободить заявителя из-под стражи для того, чтобы он смог проститься с отцом, проживавшим в Нидерландах, или посетить церемонию прощания с ним (смерть отца, больного раком, наступила в результате эвтаназии), однако Суд признал, что в сочетании с отсутствием реальной альтернативы проститься с отцом нарушение статьи 8 Конвенции имело место.

⁵⁷ ECtHR. *Giszczak v. Poland*. Application No. 40195/08. Judgment of 29 November 2011. Заявителю, отбывающему наказание в виде лишения свободы на 13 лет за подстрекательство к убийству, сперва отказали в возможности посетить умирающую дочь в больнице, а затем, хотя и разрешили участие в похоронах под конвоем, передали копию судебного решения после того, как похороны состоялись, а также не дали чёткого ответа на вопрос о том, мог ли он присутствовать на похоронах дочери в обычной одежде в сопровождении лиц в обычной, а не в форменной одежде. Европейский Суд установил нарушение статьи 8 Конвенции в обоих случаях.

⁵⁸ ECtHR. *Feldman v. Ukraine* (No. 2). Application No. 42921/09. Judgment of 12 January 2012. Европейский Суд признал отказ украинских властей временно освободить заявителя из-под стражи для того, чтобы он смог посетить похороны отца, нарушившим требование статьи 8 Конвенции.

факторам в основном относятся вид родства и наличие значимых семейных уз⁵⁹. Очевидно, что в *деле Пლოსки* от внимания Суда не ускользнул тот факт, что заявителю не позволили присутствовать на похоронах обоих родителей, которые скончались с небольшой разницей во времени. В деле «*Линд против России*» Европейский Суд также отметил серьёзность интереса заявителя, указав, что, во-первых, дата смерти отца заявителя, больного раком, была известна, во-вторых, у заявителя был последний шанс либо увидеть отца, либо посетить церемонию прощания с ним, и, в-третьих, смертельно больной родитель был неспособен посетить сына в следственном изоляторе. Эти факторы Европейский Суд охарактеризовал как «исключительные обстоятельства дела и его серьёзный гуманитарный аспект»⁶⁰. В *деле Гишчака* Европейский Суд также с особым вниманием отнёсся к переживаниям заявителя, который не хотел «вызвать беспокойство» своим присутствием на похоронах дочери в тюремной робе и в наручниках, а также в сопровождении конвоя в форменной одежде⁶¹.

Серьёзность интереса заявителя в посещении похорон является важным, но не решающим фактором в силу того, что лицо находится под стражей, и презюмируется, что есть достаточно веские основания держать его в изоляции от общества. Поэтому следующая группа факторов, которые принимает во внимание Суд, — *статус заявителя* (обвиняемый / подсудимый или отбывающий наказание), *характер обвинений, предъявленных заявителю (или же характер преступлений, в совершении которых он был признан виновным), а также поведение заявителя под стражей*. Данные факторы определяют то, насколько серьёзны-

ми могли быть опасения властей, связанные с освобождением — пусть и временным — заявителя из-под стражи. В *деле Пლოსки* Суд обратил внимание на то, что заявитель не представлял особой опасности и что оценка этого риска властями как высокого была в недостаточной степени обоснована⁶². В *деле Гишчака*, однако, Суд не сделал никаких негативных выводов из того факта, что заявитель отбывал наказание в виде лишения свободы на 13 лет за подстрекательство к убийству, посчитав, очевидно, что конвоирование заявителя снимает проблему общественной опасности. К этой же категории следует отнести и фактор, сыгравший, как кажется, принципиальную роль в *деле Линда*: Европейский Суд согласился с тем, что двойное гражданство заявителя и необходимость посетить Нидерланды обосновывали опасения властей относительно возможности заявителя скрыться⁶³. Приняв во внимание этот фактор, Суд обратился к анализу действий российских властей: он заключил, что «национальные власти должны были рассмотреть ходатайство заявителя о предоставлении временного освобождения из-под стражи с особыми вниманием и тщательностью»⁶⁴.

Таким образом, *поведение национальных властей* является третьим элементом той суммы факторов, которую анализирует Европейский Суд в делах рассматриваемой категории. Суд оценивает то, какой вес национальные власти придали отдельным факторам дела, насколько серьёзно они отнеслись к интересу заявителя и рассмотрели ли возможные доступные альтернативные решения. Именно оценка поведения властей является ключевым аспектом анализа, проводимого Европейским Судом на основании положений пункта 2 статьи 8 Конвенции.

⁵⁹ Аналогичный подход характерен и для дел, в которых лица, содержащиеся под стражей, ходатайствуют о временном освобождении, чтобы посетить больных родственников. Так, в деле «*Саннино против Италии*» (CEDH. *Sannino c. l'Italie*. Requête No. 72639/01. Décision du 3 mai 2005) Европейский Суд не увидел оснований для жалоб заявителя, поскольку последний просил предоставить ему возможность посетить своего деда, который не являлся близким родственником и состояние здоровья которого не вызывало значительных опасений. В деле «*Шемкэмпер против Франции*» (CEDH. *Schemkamper c. France*. Requête No. 75833/01. Décision du 18 octobre 2005) Суд также обратил особое внимание на тот факт, что состояние здоровья отца заявителя, когда последний обращался с ходатайством на временное освобождение, не было столь уж плохим, и он достаточно регулярно посещал заявителя в тюрьме.

⁶⁰ См.: *Lind v. Russia*. § 96. Европейский Суд не счёл достойными внимания доводы российских властей о том, что отец заявителя завещал передать своё тело для научных целей, и что похороны фактически не проводились (*Lind v. Russia*. § 90).

⁶¹ *Giszczak v. Poland*. § 38–39.

⁶² В процитированном выше деле «*Саннино против Италии*» Европейский Суд отметил тот факт, что заявитель был признан виновным в убийстве (тяжкое преступление), и его поведение вызывало серьёзные опасения в связи с непростым психологическим портретом.

⁶³ *Lind v. Russia*. § 97.

⁶⁴ *Ibid.* § 96.

Так, в деле *Фельдмана* Европейский Суд отметил, что национальные власти фактически отказались рассмотреть обстоятельства дела заявителя, и его ходатайство на временное освобождение из-под стражи не было удовлетворено только на том основании, что национальное право не допускало конвоирование лиц, содержащихся под стражей, для таких целей. Суд счёл, что безусловный запрет, не предусматривающий никаких альтернативных путей посещения похорон — не соответствовал обязанности государства рассмотреть каждое конкретное заявление по существу и продемонстрировать, что ограничение права посетить похороны родственника было «необходимым в демократическом обществе»⁶⁵.

В деле *Линда* основной акцент анализа Европейского Суда также пришёлся на поведение властей⁶⁶. Суд отметил, что российские власти не посчитали нужным обратиться за содействием к властям Нидерландов в связи с ходатайством заявителя, несмотря на то, что посол этой страны в России по меньшей мере три раза поддерживал соответствующие просьбы. Тем не менее, Суд не счёл эти факты достаточными, чтобы прийти к выводу о том, что российские власти, не предоставив заявителю возможность временного освобождения для прощания с его отцом в Нидерландах, вышли за рамки свободы усмотрения⁶⁷. Однако далее Суд, сославшись на принцип уважения семейной жизни заявителя, указал, что властям надлежит предоставить ему альтернативную возможность проститься с отцом. Европейский Суд заключил, что телефонный разговор, длившийся одну минуту на русском языке, который отец заявителя едва понимал, не составил значимой альтернативы возможности проститься лично или принять участие в церемонии прощания с усопшим родителем⁶⁸, и на этом основании заключил, что имело место нарушение требований статьи 8 Конвенции.

В деле «*Гишчак против Польши*» Европейский Суд также подверг поведение властей взыскательной оценке, по сути, противопоставив последнее интересу заявителя не просто присутствовать на похоронах его дочери, но присутствовать в подобающем для этой церемонии виде, который бы не вызывал беспокойство окружающих. Суд счёл, что, несмотря на то, что заявителю формально было предоставлено разрешение на посещение похорон, и он фактически сам отказался от возможности присутствовать, нарушение статьи 8 Конвенции всё же имело место. Европейский Суд счёл обоснованными опасения заявителя, вызванные тем, что он не был своевременно и в чёткой, исключительной неопределённостью, манере проинформирован об условиях его временного освобождения и конвоирования к месту похорон дочери⁶⁹.

Завершая анализ этой категории дел, отметим, что их специфика заключается в том, что оценка Европейского Суда, по сути, начинается сразу с решения вопроса о том, было ли ограничение «необходимо в демократическом обществе». Первые три критерия анализа (имеет ли место вмешательство в осуществление прав и свобод, предусмотрено ли вмешательство законом и преследует ли вмешательство одну из законных целей, предусмотренных статьёй 8 Конвенции) являются простой формальностью⁷⁰. Очевидно, что подобные ограничения Суд будет всегда считать вмешательством в осуществление права на уважение личной и семейной жизни. В таких делах также невозможно представить, что ограничения не будут предусмотрены законом⁷¹. И эти ограничения всегда будут преследовать одну или несколько законных целей: поддержание «общественного порядка» и / или «предотвращение беспорядков или преступлений», поскольку речь идёт о лицах, изолированных от общества. Таким образом, вывод Европейского Суда о

⁶⁵ *Feldman v. Ukraine* (No. 2). § 35.

⁶⁶ Фактически характер вменяемого заявителю преступления оказался за пределами анализа Суда.

⁶⁷ *Lind v. Russia*. § 97.

⁶⁸ *Ibid.* § 98.

⁶⁹ *Giszczak v. Poland*. § 38–39.

⁷⁰ Данный вывод не распространяется на всю правоприменительную практику по статье 8 Конвенции; он касается только рассмотрения жалоб лиц, содержащихся под стражей, на отказы в предоставлении разрешений на посещение похорон родственников.

⁷¹ Достаточно, чтобы меры, составляющие вмешательство в осуществление прав, имели, как указал Суд, «некоторое основание в национальном праве». См.: *Feldman v. Ukraine* (No. 2). § 23.

наличии нарушения требований пункта 2 статьи 8 Конвенции в делах этой категории зависит только от того, сможет ли государство продемонстрировать, что существовала необходимость ограничения в демократическом обществе, то есть насущная социальная потребность отказать лицу в посещении похорон родственника. При этом, как следует из проанализированной правоприменительной практики страсбургского суда, последний далеко не всегда будет готов признать поведение властей удовлетворительным даже в случае, если формальное разрешение посетить похороны имело место. Краеугольным камнем является вопрос о том, насколько серьёзно власти подошли к рассмотрению ходатайства заявителя, принимая во внимание значимость защищаемого Конвенцией интереса — права на уважение частной и семейной жизни.

Завершая анализ отдельных категорий дел, необходимо отметить, что до недавнего времени дела, рассматриваемые Европейским Судом, касались только индивидуальных решений национальных властей, и жалобы не поднимали вопрос о соответствии законодательства требованиям Конвенции, хотя Суд и не упустил возможность высказаться по поводу характера осуществления государством регулятивной функции в этой сфере⁷². В самом ближайшем будущем, однако, Европейский Суд вынесет постановления по двум российским делам, в которых обжалуются основанные на положениях закона отказы в

выдаче тел предполагаемых террористов родственникам для захоронения⁷³. В данной статье обстоятельства этих дел остаются за пределами анализа по ряду причин. Во-первых, Европейский Суд пока не разрешил эти дела по существу⁷⁴, и в отсутствие постановлений любой анализ будет спекулятивным. Во-вторых, данные дела поднимают целый ряд выходящих за пределы настоящего материала проблем, которые сами по себе достойны отдельной статьи⁷⁵.

Заключение

Подход Европейского Суда, согласно которому отношения с усопшими включаются в понятие личной и семейной жизни, является, на наш взгляд, обоснованным и соответствует той точке зрения, что умерший родственник не *дегуманизован*, поскольку прекращение физического существования тела не является концом *биографической личности*⁷⁶. Расширительное и динамическое толкование Судом защищаемого статьёй 8 Конвенции интереса в делах этой категории стоит приветствовать, хотя ему и не хватает, как было продемонстрировано выше, чёткости и последовательности.

В целом анализируемый элемент правоприменительной практики Европейского Суда развивается в рамках общих подходов последнего к оценке обстоятельств конкретных дел на предмет их соответствия требованиям статьи 8 Конвенции. Так, Европейский Суд,

⁷² *X. v. the Federal Republic of Germany*. § 2; *Elli Poluhas Dödsbo v. Sweden*. § 20.

⁷³ ECtHR. *Mashhadova and Others v. Russia*. Application No. 18071/05. Judgment of 8 June 2008; ECtHR. *Sabanchiyeva and Others v. Russia*. Application No. 38450/05. Judgment of 6 November 2008. Оба дела поднимают вопрос об отказе российских властей выдать тела убитых родственников для захоронения, причём отказы основаны на законе, не предполагающем дискреции властей. В первом деле заявителями выступают вдова и дети Аслана Масхадова, убитого в ходе спецоперации по его задержанию, а во втором — родственники 55 лиц, убитых при совершении нападения на правоохранительные органы в г. Нальчик в октябре 2005 года. Указанные отказы были основаны на положениях Федерального закона от 12 января 1996 года «О погребении и похоронном деле», в редакции Федерального закона от 11 декабря 2002 года № 170-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 146) и Положении о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 20 марта 2003 года № 164 (Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 12. Ст. 1139). Конституционный Суд в 2007 году признал соответствующие статьи указанных актов соответствующими Конституции. См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 июня 2007 года № 8-П «По делу о проверке конституционности статьи 14.1 Федерального закона “О погребении и похоронном деле” и Положения о погребении лиц, смерть которых наступила в результате пресечения совершенного ими террористического акта, в связи с жалобой граждан К. И. Гузиева и Е. Х. Кармовой» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 4.

⁷⁴ На момент сдачи материала постановления не были опубликованы, однако их провозглашение ожидается до выхода номера из печати (6 июня 2013 года). См.: ECtHR. Press release issued by the Registrar of the Court. ECHR 156 (2013). 28 May 2013.

⁷⁵ Например, проблема борьбы с терроризмом как особой цели, оправдывающей более существенные ограничения прав, нежели те, которые допустимы в иных обстоятельствах, или проблема выбора, на основании положений какой статьи Конвенции — статьи 3 или 8 — следует такие жалобы рассматривать.

⁷⁶ «Когда умирает один из родителей... мы не перестаём считать её матерью. ...В то время как она более не обладает характеристиками живой личности, она остаётся личностью в восприятии тех, кто чувствует к ней привязанность». См.: *McGuinness Sh., Brazier M. Respecting the Living Means Respecting the Dead too* // *Oxford Journal of Legal Studies*. 2008. Vol. 28. Issue 2. P.303–304.

безусловно, предоставляет государствам-участникам широкую свободу усмотрения. Однако в этой связи важным представляется то, что Суд рассматривает смерть и похороны как специфическую сферу личной и семейной жизни, которая требует особого внимания со стороны властей при принятии решений, затрагивающих столь важный и чувствительный для заявителей интерес. Это выражается как в обязанности национальных властей учесть все значимые обстоятельства дела при

принятии соответствующего решения, так и в их обязанности сделать это достаточно оперативно.

Рассмотренные в статье дела в очередной раз демонстрируют, насколько необъятной является статья 8 Конвенции, и насколько её границы размыты. Однако если соглашаться с мнением о том, что указанная статья является «ящиком Пандоры»⁷⁷, то только при условии, что он не будет закрыт, поскольку на его дне покоится надежда⁷⁸.

⁷⁷ *Голубок С. А.* Новые грани права на уважение семейной жизни // URL: http://zakon.ru/Blogs/novye_grani_prava_na_uvazhenie_semejnoj_zhizni/1623 (дата обращения: 23.05.2013).

⁷⁸ Согласно преданию, когда ящик (а точнее, сосуд), который Пандора открыла, был закрыт, на его дне остался только Элипис — дух надежды.